

ШОТА РУСТАВЕЛИ

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.353.1-1
ББК 84(5Гру)-5
Р89

Перевод с грузинского *Н. Заболоцкого*

Руставели, Шота.

Р89 Витязь в тигровой шкуре : [поэма] / Шота Руставели ; [перевод с грузинского Н. Заболоцкого]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-17-178305-1 (С.: Эксклюзивная классика)

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

ISBN 978-5-17-178303-7 (С.: Эксклюзив: поэзия)

Серийное оформление и компьютерный дизайн

Я. Половцевой

Облаченный в тигровую шкуру витязь, случайно повстречавшийся аравийскому царю, играючи побеждает его лучших воинов и скрывается с поля боя. Тогда дочь царя обещает влюбленному в нее военачальнику Автандилу стать его женой, если тот найдет неуловимого воина.

После долгих поисков Автандил выполняет ее просьбу. Но, выяснив, что витязь и сам совершает подвиги во имя любви и уже много лет ищет по всему свету свою пропавшую суженую, Автандил клянется помочь новому другу воссоединиться с любимой.

Повествующая о бессмертной любви и преданной дружбе поэма «Витязь в тигровой шкуре» уже более восьми сотен лет не теряет актуальности, сочетая в себе вечные темы и мудрые афоризмы.

УДК 821.353.1-1

ББК 84(5Гру)-5

Мне пером была тростинка, тушью — озеро агата.
Кто внимал моим твореньям, был сражен
клинком булата.

Мне приказано царицу славословить новым
словом,
Описать ресницы, очи на лице агатобровом,
Перлы уст ее румяных под рубиновым покровом, —
Даже камень разбивают мягким молотом
свинцовым!

Мастерство, язык и сердце мне нужны, чтоб петь
о ней.
Дай мне силы, вдохновенье! Разум сам послужит ей.
Мы прославим Тариэла, утешителя людей,
Трех героев лучезарных, трех испытанных друзей.

Сядем, братья, и восплачем о несчастном Тариэле!
Скорбь о нем копьем печали ранит сердце мне
доселе.
Это древнее сказанье я, чье имя Руставели,
Нанизал, как цепь жемчужин, чтоб его стихами
пели.

Страсть любви меня, миджнура, к этой повести
склонила:
Та, кому подвластны рати, для меня светлей
светила.
Пораженный ею в сердце, я горю в огне горнила.
Коль не сжалится светило, ждет безумного могила.

Эта повесть, из Ирана занесенная давно,
По рукам людей катилась, как жемчужное зерно.

Спеть ее грузинским складом было мне лишь
суждено
Ради той, из-за которой сердце горестью полно.

Ослепленный взор безумца к ней стремится
поневоле.
Сердце, сделавшись миджнуром, в отдаленном
бродит поле.
Пусть она спасет мне душу, предавая плотской
боли!
Как воспеть мне трех героев, если сил не станет
боле?

Что кому дано судьбою — то ему и утешенье:
Пусть работает работник, воин рубится
в сраженье,
Пусть, безумствуя, влюбленный познает любви
лишенья, —
Не суди других, коль скоро сам боишься
поношенья!

Стихотворство — род познания, возвышающего дух.
Речь божественная с пользой услаждает людям
слух.
Мерным словом упиваться может каждый, кто
не глух.
Речь обычная пространна, стих же краток и упруг.

Испытаньем иноходцу служит дальняя дорога,
Игроку — удар искусный, если мяч рассчитан
строго.
Для певца же дело чести — ширь стихов,
богатство слога,
Он и сам коня осадит, увидав, что речь убога.

Если вдруг в стихотворенье речь становится
невнятна,
Присмотреться стихотворцу и полезно и приятно:
Увидав свою ошибку, он попытается обратно
И, геройски в мяч ударив, победит неоднократно!

Кто два-три стишка скропает, тот, конечно,
не творец.
Пусть себя он не считает покорителем сердец.
Ведь иной, придумав глупость, свяжет рифмою
конец
И твердит, как мул упрямый: «Вот искусства
образец!»

Небольшой стишок — творенье стихотворца
небольшого,
Не захватывает сердца незначительное слово.
Это жалкий лук в ручонках у стрелочка молодого:
Крупных он зверей боится, бьет зверушек
бестолково.

Мелкий стих подчас пригоден для пиров,
увеселений,
Для любезностей веселых, милых шуток,
развлечений.
Если он составлен бойко, он достоин одобрений.
Но певец лишь тот, кто создан для значительных
творений.

Надо, чтобы стихотворец свой талант не расточал,
Чтоб единственно любимой труд упорный
посвящал.

Пусть она в стихах искусных, пламенея,
как кристалл,
Удостоится созвучий музыкальных и похвал.

Той, кого я раньше славил, продолжаю я
гордиться.
Я пою ее усердно, мне ли этого стыдиться!
Мне она дороже жизни, беспощадная тигрица.
Пусть, не названная мною, здесь она отобразится!

Есть любовь высоких духом, отблеск высшего
начала,
Чтобы дать о ней понять, языка земного мало.
Дар небес, она нередко нас, людей, преображала
И терзала тех несчастных, чья душа ее взалкала.

Объяснить ее не в силах ни мудрец, ни чародей,
Понапрасну пустословы утомляют слух людей.
Но и тот, кто предан плоти, подражать
стремится ей,
Если он вдали страдает от возлюбленной своей.

Называется миджнуром у арабов тот влюбленный,
Кто стремится к совершенству, как безумец
исступленный.
Ведь один изнемогает, к горным высям
устремленный,
А другой бежит к красоткам, сластолюбец
развращенный.

Должен истинно влюбленный быть прекраснее
светила,
Для него приличны мудрость, красноречие и сила,
Он богат, великодушен, он всегда исполнен пыла...
Те не в счет, кого природа этих доблестей лишила.

Суть любви всегда прекрасна, непостижна и верна,
Ни с каким любодеем не равняется она:
Блуд — одно, любовь — другое, разделяет их
стена.
Человеку не пристало путать эти имена.

Нрав миджнура постоянен: не чета он блудодею,
Верен он своей любимой и скорбит в разлуке
с нею.
Будь любимая сурова — он и так доволен ею...
В мимолетных поцелуях я любви не разумею.

Не годится звать любовью шулки взбалмошные
эти.
То одна у ветрогона, то другая на примете.
Развлекаться столь беспечно лишь дурные могут
дети.
Долг миджнура: если нужно, обо всем забыть
на свете.

У влюбленного миджнура свой единственный
закон:
Затаив свои страданья, о любимой грезит он.
Пламенеет он в разлуке, беспредельно исступлен,
Подчиняется смиренно той, в которую влюблен.

Тайну раненого сердца не откроет он другому,
Он любимую позорить не захочет по-пустому,

Он свои скрывает чувства, он к ее не ходит дому,
Он за счастье почитает эту сладкую истому.

Трудно верить в человека, коль о милой он
бормочет.

Сам себе он вред приносит — что ж он попусту
хлопочет?

Чем он милую прославит, если тут же опорочит?
Почему он сердцу милой причинить страданье
хочет?

Не пойму я: чем притворство привлекает
сумасброда?

Если он не любит деву, разве нет ему исхода?
Почему ж ее он хочет запятнать в глазах народа?
Но злодею злое слово слаще сахара и меда!

Плач миджнура о любимой — украшенье, не вина.
На земле его скитанья почитают издавна.
И в душе его, и в сердце вечно царствует одна,
Но толпе любовь миджнура открываться
не должна.

Жизнь моя к концу подходит, старость хуже
всякой боли.
Завтра, если не сегодня, я умру по божьей воле.
Для чего и свет, коль мрака не избежать в сей
юдоли!
Пусть же дочь, мое светило, воцарится
на престоле».

Но вазирьы отвечали: «Царь, с ущербною луной,
Как бы звезды ни сияли, не сравниться ни одной.
Увядающая роза дышит слаще молодой.
Что ж ты сетуешь на старость и зовешь ее бедой?

Нет, не вянет наша роза, не тверди нам, царь,
об этом!
Но совет твой, даже худший, не чета другим
советам.
Делай так, как ты задумал, коль другой исход
неведом.
Пусть воссядет на престоле та, чей лик сияет
светом!

Хоть и женщина, но богом утверждается царица.
Мы не льстим: она способна на престоле
потрудиться.
Не напрасно лик царевны светит миру,
как денница:
Дети льва равны друг другу, лев ли это
или львица».

Сын вельможи-полководца, сам прославленный
спаспет,
Автандил-военачальник был в расцвете юных лет.

Царской щедростью и лаской привлеки к себе
народ,
Помни: море не иссякнет, расточая бездны вод.

Щедрость — слава государей и премудрости основа.
Дивной щедростью владыки покоряют даже злого.
Есть и пить любому нужно, в том не вижу я
плохого.
Что припрячешь — то погубишь, что раздашь —
вернется снова».

Поучениям отцовским дочь послушная внимала,
Светлым разумом без скуки в наставленья
проникала.
Царь устроил пир веселый, веселился сам немало,
Солнце дивной красотой юной деве подражало.

И царица повелела вызвать дядьку-пестуна:
«Под печатями твоими сохраняется казна.
Сундуки открой с деньгами и очисти их до дна:
Дочь царя, своим богатством поделиться я
должна».

Раздала всё то царица, что своим считала сроду.
Всем — и знатным и незнатным — поприбавилось
доходу.
Дева так и говорила: «Пусть родителю в угоду
Ныне всё мое богатство будет роздано народу.

Открывайте кладовые, отпирайте все подвалы!
Выводи коней, конюший! Выносите перлы, лалы!

Ничего не пожалею!» И войска, наполнив залы,
На сокровища царицы устремились, как шакалы.

Как законную добычу завоеванных земель,
Всех коней они угнали, столь лелеемых досель.
И была похожа дева на небесную метель,
Чтоб любой ее дарами мог наполнить свой кошель.

Первый день прошел в забавах. Пили, ели,
пировали,
Многочисленные гости властелина окружали.
Вдруг поник он головою, преисполненный печали.
«Что с владыкой приключилось?» —
перешептываться стали.

Автандил-военачальник с добродетельным Согратом
Во главе иных придворных на пиру сидели рядом.
Увидав отца царицы странной горестью объатым,
«Что с царем?» — они невольно стали спрашивать
себя там.

И решили: «Наш владыка стал задумчив не к добру,
Ведь никто не мог обидеть государя на пиру!»
Автандил сказал Сограту: «Эту странную хандру
Постараемся рассеять: нам она не по нутру».

Встал Сограт седобородый, встал воитель,
стройный станом,
Подошли они к владыке — каждый с поднятым
стаканом, —